

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНТЕКСТА ДУХОВНОСТИ ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. На основе анализа культурологической, социологической и педагогической литературы определена сущность духовности как базовой педагогической категории. В связи с этим процесс воспитания рассматривается как передача национального духа от поколения к поколению. Поскольку содержание этого процесса зависит от социокультурной и этнокультурной среды, которые создают контекст воспитательной деятельности, то среда выступает детерминантой формирования контекста духовности воспитания, который, в свою очередь, обуславливает содержание духовности личности, воспитанной в этой среде.

Ключевые слова: духовность, социокультурная и этнокультурная среда, духовные ценности, национальный характер, народный воспитательный идеал, идентификация, национальный фольклор.

Введение

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось новыми научными открытиями, стремительным развитием нанотехнологий, информатизацией и компьютеризацией различных сфер нашей жизни, расширением демократических свобод и улучшением материального благосостояния и комфорта населения, что положительно сказалось на увеличении средней продолжительности жизни человека. Вместе с тем, сегодня все очевиднее становится тот факт, что чем больше укрепляются материальные основы общества и его институтов, тем тоньше и незащищеннее становится его духовная сфера. В связи с этим, как никогда ранее, становятся актуальными проблемы духовности личности и общества, духовности в образовании и воспитании, а также духовности самих образования и воспитания. Ведь, по мнению авторитетного украинского ученого, академика Ольги Сухомлинской – автора «Концептуальных основ формирования духовности личности на основе христианских моральных ценностей» (О. Сухомлинская, 44, с. 13-18), – именно образование и воспитание прямо или опосредованно формируют духовность личности и общества. Хотя смысл и содержание, вкладываемые в это понятие в значительной степени зависят от исторической эпохи, требований общества, направленности его социального развития (О. Сухомлинская, 43, с. 3), – то есть, от социального контекста образования и воспитания.

Поэтому мы целиком согласны с О. Сухомлинской в том, что духовность следует рассматривать не только в философском, теологическом, культурологическом, антропологическом, социологическом и психологическом контекстах, но и, что сегодня особенно важно, в педагогическом, причем не просто как качество личности, а как «сущность воспитательного процесса в современном проблемном поле педагогической науки и образовательно-воспитательных реалий» (О. Сухомлинская, 43, с. 3), ибо, «несомненно, духовность выступает основным понятием педагогики, которое ... синонимично понятиям «культура», особенно «духовная культура», «ценности», «идеалы» (О. Сухомлинская, 43, с. 3-4), «народный воспитательный идеал» (Г. Ващенко, 4) и др. Это придает духовности статус базовой педагогической категории.

Поскольку духовность личности проявляется по-разному, в зависимости от социокультурной и этнокультурной среды, в которой воспитывается человек, то актуальной педагогической **проблемой** выступает исследование этих детерминант формирования контекста духовности воспитания.

В связи с этим **целью** нашего исследования является обоснование единства духовности, культуры и народного творчества как взаимосвязанных и взаимозависимых элементов социально-культурной среды, которые обеспечивают её воспитывающую и социализирующую функции, создают контекст воспитания в любом обществе, а на современном этапе его развития выступают действенными средствами защиты и сбережения его духовного здоровья.

Задачами исследования являются: обоснование сущности духовности как педагогической категории; определение значения духовных ценностей в формировании духовности общества и личности; выявление роли педагога в создании аксиосферы воспитания; педагогический анализ социокультурных и этнокультурных детерминант формирования контекста духовности воспитания; характеристика национальной культуры и народного искусства как показателей духовности народа и факторов формирования контекста социального бытия и духовного развития человека; обоснование внутреннего единства и взаимосвязи национальной культуры с национальным характером и духовностью народа.

Методы исследования – теоретический анализ научной и философской литературы, педагогически-герменевтический анализ, контент-анализ.

Теоретическая основа исследования. Культурно-исторический анализ содержания понятия «духовность» обусловил вывод, что оно отображает культурный код, который эволюционировал в ходе исторического развития человечества от анимистического до теологического, христианского, гуманистического и «накрепко вошел в культурную матрицу человека, полностью заполнив ее» (О. Сухомлинская, 43, с. 9) и сохраняя главенствующую роль в контексте различных культур. С развитием гуманитарных и естественных наук понимание духовности постепенно утратило черты религиозно-церковного культурного кода и разрослось философскими и антропоцентрическими смыслами (О. Сухомлинская, 43, с. 9), оставаясь все же в парадигме религиозно-церковной культуры вплоть до XX века, который породил новые парадигмы духовности, детерминированные уровнем и направленностью общественного сознания, доминирующими в обществе мировоззрением и типом мышления, сложившейся системой образования и т.д. В связи с этим, в понятие духовности стали вкладываться различные смыслы:

- христианская духовность – как пребывание в Духе Святом и стремление к духовным христианским ценностям («не собирайте себе сокровищ на земле, где их разъедает ржавчина, и крадет вор, и точит червь – а ищите себе сокровищ небесных»);

- буддистская духовность как освобождение от материальных, житейских желаний («избавление от желаний – избавление от страдания»);

- различные духовные практики со своими концепциями и контекстами духовности;

- светская духовность – как проявление культуры личности, ее интеллигентности и стремления к непрерывному самосовершенствованию;

- духовность вообще – как категория человеческого бытия, с помощью которой выражается его способность к самосозиданию и созданию культуры; стремление к высшим ценностям, путь от материального, биологически заданного – к нематериальному, нетленному, непреходяще ценному; от биологического к социальному и далее – к трансцендентальному; от Природы – к Культуре; от материи – к Духу.

В последнем понимании духовность приобретает широкий философский и психологический смыслы, что создаёт предпосылки для исследования проблем духовности в педагогике (О. Сухомлинская, 43, с. 9). Ведь само по себе воспитание – это передача духа, поскольку оно всегда реализуется в определенном духовном контексте: национальном, классовом, религиозном, социальном и т.д. Как говорил украинский педагог начала XX столетия Михайло Феськив в статье «Элементы национальной школы, которые нужно и можно реализовать»: «Умеете передать дух? Это и есть воспитание» (М. Феськив, 48, с. 77-

83). Носителями духа выступают, прежде всего, традиции, обряды, народное творчество, искусство народа, так как в них заложены эмоционально-содержательные коды, которые интернализируясь, формируют национальный характер, систему ценностей и взглядов человека, превращая его в представителя определенной социальной или национальной группы, у которой сложилось своё понятие духовности. Поэтому привлечение молодого поколения к освоению духовных ценностей народной культуры служит действенным способом формирования его духовности и его духовного развития как самосовершенствования его духовного мира на основе идентификации с народным идеалом и интернализации народных духовных ценностей.

Вместе с тем, как доказано классиками педагогической науки, духовное развитие может происходить только как саморазвитие воспитанника в созданных педагогом условиях при обеспечении определенной духовно развивающей среды. Ведь для того, чтобы развитие было эффективным, его субъектом должен стать не столько педагог, сколько сам воспитанник. Ибо, как говорил А. Дистервег, «развитие и образование никому не могут быть навязаны или сообщены. Каждый, кто хочет к ним приобщиться, должен достичь этого собственной деятельностью, собственными силами, собственным напряжением воли, поскольку извне он может получить лишь толчок» (А. Дистервег, 8, с. 68). Педагог может только мотивировать воспитанника к собственной работе по духовному саморазвитию и показать ему возможный путь духовного восхождения. Но для этого он сам должен постоянно идти по этому пути.

Психологические механизмы и этапы духовного развития личности

Психологические механизмы духовного развития личности связаны, по нашему мнению, с влиянием организованного воспитателем духовного контекста на эмоции и чувства воспитанников, что обуславливает понимание и переживание ими несоответствия уровня своего духовного развития (Я-реального) желаемому его уровню (Я-идеальному). Вследствие этого происходит трансформация актуальных потребностей, мотивов, личностных смыслов, ценностных ориентаций и установок воспитанников в соответствии с новыми требованиями ситуации, к которой им необходимо адаптироваться, или идеалом личности, к которому они стремятся. Обусловленные этими механизмами этапы духовного развития личности можно представить как движение по цепочке: «чувство – осознание несоответствия – знание – намерение – личностный выбор – проект – собственное действие по духовному самосовершенствованию».

Исходя из этого, главную задачу воспитания мы видим в формировании его духовного контекста (или, духовной среды воспитания, духовного пространства воспитательной деятельности педагога, аксиосферы воспитания), входя в которые воспитанник естественно и ненасильственно будет присваивать их содержание на личностном уровне, интернализировать его.

Аксиосфера воспитания

Поскольку понятия «среда воспитания» и «пространство воспитательной деятельности» уже достаточно полно раскрыты и охарактеризованы в педагогических трудах, то мы остановимся на анализе содержания понятия «аксиосфера воспитания», которое лишь недавно вошло в педагогический обиход и достаточно ново для теории воспитания.

Это понятие впервые было употреблено Л. Столовичем и М. Каганом (Л. Столович, 41; М. Каган, 14) по аналогии к понятию «семиосфера» Ю. Лотмана (в смысле единства ценностных явлений, системно-структурной связи между ними и классификации ценностей).

Таким образом, содержание понятия «аксиосфера» охватывает ценностное отношение человека к миру и мира к человеку, которое реализуется в объективном бытии ценностей,

субъективной реальности ценностного сознания, духовной творческой деятельности по освоению и созданию ценностей.

В современной науке понятие «аксиосфера» активно употребляется в разнообразных контекстах: культурологическом («аксиосфера культуры»), духовном («духовная аксиосфера»), социальном («аксиосфера общества»), художественном («аксиосфера и концептосфера художественной литературы»), краеведческом («аксиосфера краеведения»), личностном («аксиосфера личности»), профессиональном («профессиональная аксиосфера»), педагогическом («аксиосфера педагогики», «аксиосфера воспитания», «аксиосфера учебного заведения», «школа как аксиосфера») и т. д.

Аксиосфера современного воспитания охватывает ценностные представления, оценки, отношения и другие проявления ценностного гуманистического педагогического сознания, а также иерархические связи между ними. Имея общую гуманистическую основу, эти элементы приобретают разную специфику в различных контекстах воспитания.

Исследованию разных аспектов проблемы формирования и функционирования воспитательной аксиосферы посвятили свои труды К. Байер, Б. Гершунский, А. Дробницкий, Г. Коджаспирова, В. Крыжко, В. Лутай, В. Николаев, М. Рокич, В. Слостёнин, Т. Парсонс, Т. Усатенко, Г. Чижикова и др.

В работах этих учёных обоснованы методологические основы аксиологической парадигмы образования, проанализировано значение аксиологического подхода в развитии теории и методики воспитания, разработана типология ценностей в образовании, определено влияние этих ценностей на формирование духовного контекста воспитания.

Нам импонирует, что наиважнейшими ориентирами современного воспитания и образования эти учёные считают гуманистические педагогические ценности, которые неотъемлемы от ценностей морально-духовных. Ведь, по справедливому утверждению Франсуа Рабле: «мудрость в порочную душу не входит, и знание, если не иметь совести, способно лишь погубить душу» (Ф. Рабле, 34, с. 181-185).

Роль педагога в формировании аксиосферы воспитания

По нашему глубокому убеждению, носителем морально-духовных, гуманистических педагогических ценностей должен быть, прежде всего, воспитатель, который, по своей социальной сущности – не просто работник системы просвещения, профессиональные задачи которого состоят в осуществлении целенаправленного, специально организованного взаимодействия с воспитанниками с целью формирования у них социально ценных качеств и способности быть полноценными членами общества. Он, согласно этимологии слова «воспитание» – тот, кто питает, вскармливает, возвращает юную душу. Под влиянием воспитателя ребенок, как губка, впитывает в себя ценности и дух той эпохи, в которую родился, дух той социальной и национальной группы, среди которой он вырос (не случайно же говорят: «он сын своего народа», «выразитель чаяний передовой интеллигенции, учительства» и т.д.). Поэтому так важно, чтобы воспитатель был духовной личностью. Ведь бездуховный учитель не воспитает духовного ученика, так как, по справедливому высказыванию К. Ушинского, в воспитании все основывается на личности воспитателя. Лишь личность может влиять на развитие и воспитание личности, лишь характером можно сформировать характер (К. Ушинский, 47, с. 63-64).

Но наполнить воспитание духовным содержанием может только тот педагог, который ощущает свою причастность к своему народу и стремится соответствовать его социальным ожиданиям и национальным духовным ценностям. Достижению этой близости способствует приобщение его к животворным источникам народного искусства, которые обуславливают становление его педагогического мировоззрения в контексте гуманистической философии образования, составляющими которой есть *человек – культура – искусство – стиль*

мышления (С. Черепанова, 51, с. 4) – и мы бы добавили сюда как результирующий компонент – *духовность*.

Духовность в педагогическом контексте

Следует отметить, что в педагогическом контексте понятие «духовность» стало активно использоваться сравнительно недавно – с конца прошлого века, хотя, по результатам исследований истории развития проблемы духовности в педагогике, проведенного О. Сухомлинской, впервые это понятие вошло в педагогический обиход в XIX веке в связи с демократизацией образования и расширением возможностей приобщения к нему подрастающего поколения. В то время смысл, вкладываемый в понятие «духовность», отражал теологическое, трансцендентальное мировосприятие и соответствующее им воспитание.

В ранней советской идеологии понятие «духовность» было изъято из воспитательного контекста как чуждое идеалам советской педагогики. Но с 90-х годов оно снова появилось в секуляризованном мировоззрении носителей педагогического знания как сциентизм, «который, особенно под влиянием научно-технического прогресса, начал играть роль «религиозного» учения, способного дать все ответы на вопросы мироустройства и человеческого существования. В этот же период зародилась и парадигма, которая, основываясь на материализме, предлагала пути, средства и методы формирования духовности не как коллективного и социального феномена, а как индивидуально и гуманистически направленного и содержала в себе, кроме индивидуальных, и морально-этические, эмоциональные компоненты» (О. Сухомлинская, 43, с. 26).

В начале XXI века духовность, по мнению О. Сухомлинской, вернулась в общепедагогический и общевоспитательный дискурс в различных интерпретациях, парадигмах и контекстах – от трансцендентного до научно-рационального. Анализ и обобщение этих педагогических смыслов духовности позволяет утверждать, что сегодня она понимается педагогами как:

- специфически человеческое качество личности, которое проявляется в богатстве духовного мира человека, его эрудиции, развитых интеллектуальных и эмоциональных запросах, моральности (Н. Ярмаченко, 31, с. 6);

- ядро культуры личности; наивысший уровень развития личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами её жизнедеятельности есть высшие человеческие ценности. Это уровень наиболее зрелой и ответственной (перед собой и другими) личности, способной не только познавать и отображать окружающий мир, но и творить его (В. Сластёнин, 23, с. 9);

- понятие, которое обобщённо отражает ценности (смыслы) и соответствующий им опыт, противоположный эмпирическому («материальному», «природному») существованию человека или, хотя бы отличающемуся от него (Педагогический энциклопедический словарь, 30, с. 81);

- смысложизненные ценности, которые определяют содержание, качество, направленность человеческого бытия и образ человеческий в каждом индивидуе (Л. Буева, 2; О. Сухомлинская, 43, с. 26).

Проанализировав содержание этих понятий, О. Сухомлинская пришла к выводу, что, несмотря на наличие различных педагогических подходов к пониманию сущности духовности, эта проблема до сих пор недостаточно разработана в теории педагогики, но, в то же время, широко представлена в практической деятельности украинской школы и представляет собой эклектический набор предпочтений и вкусов носителей идей духовности, которые настороженно, а иногда с нетерпимостью относятся друг к другу, отрицая право на существование альтернативной точки зрения (О. Сухомлинская, 43, с. 26).

О теоретических основах исследования проблемы духовности в педагогике

Отсутствие теоретических основ для разработки проблемы духовности в педагогике негативно сказывается на теории и практике духовного воспитания в Украине. Преодолеть эти явления, по мнению О. Сухомлинской, можно:

- во-первых, путем разработки конкретных технологий формирования духовности у детей и молодежи – от обоснования их концептуальных основ, содержания, инструментальной части до определения критериев диагностики духовного развития и др.;

- во-вторых, путём обеспечения направленности этих процессуально-инструментальных разработок на оптимизацию или хотя бы отражение новых реалий, в которых живет ребенок. Последние конституируют социально-культурный контекст его воспитания, который уходит корнями в историко-культурный опыт, духовные традиции народа и отображает сегодняшнюю духовную реальность, в современном постмодернистском измерении, – с ее изменчивостью, неоднозначностью, поликультурностью, совокупностью сосуществующих точек зрения на одни и те же проблемы (О. Сухомлинская, 43, с. 27).

Все эти аспекты детерминируют современное содержание духовности воспитания и отличаются многоуровневым нелинейным развитием, которое отрицает единую для всех, унифицированную и универсальную природу человеческой культуры и духовности (О. Сухомлинская, 43, с. 27).

Именно поэтому, приступая к исследованию проблемы духовности контекста воспитания, мы избрали его методологической основой культурно-исторический подход к определению сущности духовности, в контексте которого культура рассматривается как духовный феномен, сокровищница духовных ценностей, связанных с самосовершенствованием и развитием личности.

Этот подход базируется на принципе культурного детерминизма, согласно которому содержание и проявления духовности личности и общества обусловлены влиянием той культурной среды, в которой они формируются (В. Зинченко, 10, с. 23-27).

С позиций культурно-исторического подхода, воспитание есть процессом приобщения личности к духовной и материальной культуре, а также ценностям общества, в результате интернализации которых человек становится их носителем, хранителем и творцом.

Духовность как отражение культурной и ментальной специфики эпохи

В процессе исследования для нас имели методологическое значение идеи культурного детерминизма и психологической антропологии (направление «Культура и личность»). Согласно этим идеям, каждая культура обладает специфическим, относительно стойким типом и базовой структурой личности (модальной (Р. Линтон), мультимодальной (А. Инкельс, Д. Левинсон)), определить которые можно путём изучения особенностей и условий первичной социализации и воспитания человека (Л. Науменко, 25, с. 677-678).

Представляя собой комплекс типических личностных черт, характерных для людей, выросших и воспитанных в контексте определённой культуры, базовая структура личности обуславливает их духовность, неотъемлемую от национальной идентичности, ментальности и свойств национального характера (Л. Науменко, 25, с. 677-678; О. Сухомлинская, 43, с. 23).

Духовность в этом понимании отражает в своём содержании ментальную специфику эпохи, «культуру в наиболее широком смысле этого слова, включая сюда и традиционную и постмодернистскую, религию и мораль, молодежную культуру и субкультуры, право и экономику и т.д.» человека (О. Сухомлинская, 43, с. 27). Все эти формы существования культуры становятся элементами единой культурной сверхсистемы, доминирующей в определённую эпоху (П. Сорокин, 38, с. 22).

Определение и описание этих сверхсистем было впервые совершено учёным-социологом Питиримом Сорокиным в трудах «Социальная и культурная динамика» (1937) и

«Кризис нашего времени» (1941). В них он выявил и обосновал зависимость социокультурного типа личности со свойственной ему духовностью, от содержания и сущностных качеств той социокультурной сверхсистемы (или, сверхкультуры), к которой он принадлежит. При этом П. Сорокин исходил из того, что любая культура есть не просто конгломератом разнообразных явлений, а интегральной целостностью, все составляющие которой пронизаны единым основополагающим принципом и выражают единую, главную ценность, которая определяет свойственную этой культуре «собственную систему истины, собственную философию и мировоззрение, собственную религию и образец «святости», собственные формы изысканной словесности и искусства, свои доминирующие формы социальных отношений, наконец, собственный тип личности со свойственными только ей менталитетом и поведением» (П. Сорокин, 38, с. 67).

Интегральные сверхкультуры, созданные на основе соединения большого количества разнообразных исторических культурных типов и самостоятельных национальных культур, есть по своей сущности поликультурами, в которых своеобразно преломляются базовые духовные ценности составляющих их культур и вследствие этого формируется особая социокультурная идентичность и духовность их носителей, вырабатываются собственные нормы и идеалы, которые определяют стиль их жизни. Сверхкультуры, по мнению П. Сорокина, универсальны и вечны. Они существуют не единственный раз, подобно историческим эпохам, а неоднократно сменяют друг друга, начиная от неолита – до нашего времени. Появляясь и угасая в различные исторические эпохи на разных географических территориях, большие сверх-культуры имеют примеры и в прошлом и в современности, среди примитивных и цивилизованных народов, в племенном периоде и в мире сложных цивилизаций (П. Сорокин, 38, с. 438).

Исходя из аксиологической природы сверхкультур, исследователь творчества Питирима Сорокина А. Согомонов пришёл к выводу, что при описании индивидуальных социокультурных типажей, принадлежащих к различным интегральным сверхкультурам, целесообразно рассматривать каждого из них сквозь призму главенствующей исторической системы духовных и культурных ценностей, которая подчиняет их неосознанные мотивы и биосознательные стимулы их социосознательному «эго» и определяет логико-значимую взаимосвязь всех сущностных компонентов личности и культуры (он называет их детерминантами культурного качества) (А. Согомонов, 38, с. 20). Поскольку последние формируются под влиянием двойственной природы человека как существа биологического и духовного, мыслящего и чувствующего, то доминирующее качество совпадает с одним из полюсов ценностно-культурной шкалы общества.

Если основной акцент сделан на чувственной стороне человеческой природы, то соответственно, детерминируется чувственный образ культурных и духовных ценностей; на воображении и разуме – рациональный. При условии баланса чувственных и рациональных стимулов формируются идеалистические культуры.

Перегруппирование в этом ключе всех классов ценностей, значений и норм, их раскрытие в ходе исторического исследования выявляет, по утверждению А. Согомонова, удивительное соответствие с ценностными классами, выработанными мыслителями античности: ценности, созданные в результате когнитивной деятельности (Истина); эстетического удовольствия (Красота); социальной адаптации и морали (Добро); и, наконец, конституирующая все другие ценности в единое социальное целое – Польза (А. Согомонов, 38, с. 21).

Описанная выше модель «интегральной» культурной сверхсистемы, которую ученый-социолог рассматривает как результат систематизирующего и гармонизирующего ценностного образца, даёт, по его мнению, значительно больше для полноценного, адекватного определения и понимания культуры и духовности, чем традиционные социологические, антропологические или культурологические методы. Вот почему

deskриптивный анализ социальной жизни и процессов формирования духовности и социокультурной идентичности личности А. Согомонов подчиняет примату культурных и духовных ценностей, рассматривая различные аспекты социального бытия и духовного развития человека как переменные культурных сверхсистем, конгруэнтные связям ценностей, норм и значений (А. Согомонов, 38, с. 21-22).

Искусство и культура в контексте социального бытия и духовного развития человека

Важную роль в их формировании играет искусство. Оно, как органичная часть культуры, воплощает, эксплицирует и транслирует главные духовные ценности и смыслы определённого национального и социально-культурного сообщества. Тем самым, искусство выполняет важную социализирующую и инкультурирующую функцию – на сознательном и подсознательном уровнях влияет на формирование одобряемых обществом духовных качеств личности и тем самым – на становление и кристаллизацию её социально-культурного типа. В зависимости от духовного, социально-культурного и национально-культурного контекста, в котором существует и развивается искусство, оно само приобретает неповторные содержательные и структурные особенности, среди которых, по П. Сорокину, наиболее существенными есть преобладание *формальности и символичности* или *визуальности и чувственности*. Последние обуславливают не только природу тем художественных произведений и доминирующие художественные стили, но и вообще доминирующий тип человека, базовую структуру его личности. В зависимости от этого учёный-социолог подразделяет все искусства на три группы: идеациональное, идеалистическое и чувственное (П. Сорокин, 38, с. 22).

Идеациональное искусство характеризуется приоритетом иррациональности в осознании человеком окружающего мира. Оно вышло в недрах идеациональной сверхкультуры Средневековья и основывается на принципе признания единственной реальностью и ценностью сверхчувственности и сверхразумности Бога, из чего вытекала необходимость самоуничтожения и самоотречения человека во имя Его.

Это искусство высококонтекстной культуры (Ю. Кузьменкова, 20, с. 88), ориентированной на вневременное, нетленное, вечное. В нём воплощены глубокие сакральные смыслы и много сокровенного, недосказанного, которое может открыться человеку как откровение после его упорных духовных трудов и подвигов. Закономерно, что доминантой идеационального искусства стала главная истина христианского догмата, изложенная в Credo и Библии (П. Сорокин, 38, с. 429).

Она нашла воплощение в архитектуре и скульптуре Средних веков, которые можно назвать «Библией в камне», в духовной живописи, которая выражала эти же идеи и ценности в линии, цвете и христианской символической, в староотеческой христианской литературе и возвышенной духовной музыке.

Будучи внешне простым и аскетичным, идеациональное искусство не имеет той объёмности и внешней привлекательности, которые свойственны произведениям искусства эпохи Возрождения или чувственного искусства Нового времени. Но, как говорит П. Сорокин, когда становится понятным, что идеациональное искусство есть субъективным и погружённым в сверхчувственный мир, то оно кажется таким же импрессионным, как и любое из чувственных искусств. В связи с этим учёный-социолог называет его «искусством человеческой души, которая наедине общается с Богом». Именно поэтому в идеациональном искусстве игнорируется окружающая реальность, что проявляется в полном отсутствии пейзажей, жанровых тем и реалистических портретов в живописи; сатиры, карикатуры и комедии – в литературе; в представленности средневековой драмы и театра исключительно религиозными сюжетами и мистериями, а музыки – Амброзианскими и Григорианскими хорами и духовными песнопениями (П. Сорокин, 38, с. 441).

Ведущие жанры идеационального искусства естественно вписывались в обычаи, образ жизни и мышления средневекового человека, формируя такой его социокультурный тип, для которого единственной и наивысшей целью было достижение единства с Богом. Чувственный мир с его утехами, радостями и богатством рассматривался как временное пристанище, в котором христианин лишь путник, ищущий свою стезю к Богу и стремящийся снискать Царствие Божье.

Таким образом, социокультурный тип человека, формируемый идеациональной культурой, отличается высокой духовностью религиозного типа, аскетизмом, благочестивостью, моральностью, богобоязненностью, стыдливостью, сдержанностью своих чувств (кроме религиозных), христианским смирением. Это – идеалист, который живёт в мире символов и сакральных смыслов. Главное внимание он уделяет не внешним проявлениям своей личности, а внутренним, духовным ценностям. Поэтому величие и пышность его духовности «убраны в ветхие одежды» (П. Сорокин, 38, с. 429).

Свои, хотя во многом подобные аспекты формирования духовности личности имеют также другие идеациональные культуры, среди которых П. Сорокин называет интегрированную культуру неолита, культуры даоистского Китая, Тибета, Брахманской Индии, буддистскую и лаоистскую культуры, культуру последних лет Древнего Царства Древнего Египта, древнегреческую культуру конца VIII-VI веков до нашей эры (П. Сорокин, 38, с. 436).

Ослабление приоритета сверхчувственности и сверхразумности в осознании человеком окружающего мира и усиление тенденций к его чувственному пониманию и освоению с помощью органов чувств детерминируют, по П. Сорокину, появление *идеалистической культурной сверхсистемы*.

Она основывается на признании того, что объективная реальность есть частично сверхчувственной и частично чувственной, охватывающей в своём многообразии сверхчувственный и сверхрациональный, а также рациональный и сенсорный аспекты. На этой синтезирующей идее основывались такие идеалистические исторические сверхкультуры как: древнегреческая культура V-IV вв. до н.э., западноевропейская культура XIII-XIV вв. и др.

Идеалистическому типу культуры соответствует *идеалистическое искусство*, которое есть полурелигиозным, полуэмпирическим. От сверхчувственного мира оно берёт свои идеи и образы, от чувственного – получает свои формы и позитивные ценности. Это – идеализированное, типологическое, ценностное искусство (П. Сорокин, 38, с. 439-440). Оно, по утверждению П. Сорокина, «высокоизбирательно» по отношению к фундаментальным ценностям царства Бога, природы или социально-культурной жизни человека, так как отбирает для изображения лишь позитивные ценности, типы и события, игнорируя патологические и негативные явления. Так, среди героев античных трагедий, фактически, нет отрицательных персонажей, воплощающих в себе качества изначально порочного человека. Каждое действующее лицо несёт в себе позитивное, положительное содержание. Негативную роль выполняют лишь рок или сочетание внешних обстоятельств, вследствие которых и разворачивается конфликт. Сами же герои при этом сохраняют человеческое достоинство и непорочность. В связи с этим Г. Гегель назвал античный период развития искусства «веком героев».

Идеалистическое искусство прославляет и возвеличивает земного человека, возвышая его до уровня сына Бога или бессмертных героев. Оно напоминает ему о его божественной природе и о значимости его миссии на земле. Это искусство не обезображено ничем низким, вульгарным или унижающим, оно светло, спокойно и величественно. Его портреты – чудесные типажи, реальные изображения конкретных индивидов (П. Сорокин, 38, с. 440).

Идеализм этого искусства П. Сорокин усматривает в совершенном знании художником анатомии человеческого тела, а также средств воплощения этого знания в идеальной,

совершенной форме, абстрактной трактовке типа людей, у которых «позы и выражение лиц лишены всякой страстности, начиная от сильных эмоций и завершая разрушающими страстями. Они спокойны и невозмутимы, как боги. Даже мёртвые отображают эту спокойную красоту» (П. Сорокин, 38, с. 440).

Такие черты идеалистического искусства П. Сорокин связывает не с результатом определённых технических ограничений, а скорее, с желанием художника избежать всего того, что могло бы нарушить идеальный порядок и гармонию идеалистического способа жизни людей.

Социокультурный тип личности, отвечающей идеалистической культуре и духовности, характеризуется уравновешенностью, патриотизмом, гражданственностью, эстетичностью, тонким чувством прекрасного, стремлением к идеалу совершенства и нетерпимостью к низменному и уродливому. Это человек, который во всём стремится достичь меры и гармонии: и в себе (единство внешней и внутренней красоты, прекрасного и нравственного), и в мире (упорядочивание Хаоса и претворение его в Космос), и в философии (утверждение идеи автаркии как ценности; разработка чётких, стройных и логичных философских и эстетических теорий), и в искусстве (обоснование единства формы и содержания, открытие «золотого сечения», музыки сфер) и др.

Проблема духовности в идеалистической культуре преломляется через призму эстетической категории «калокагатия» и отражает идущее из Космоса бесконечное стремление, заданное силой высших идей и порождающее новые сущности (О. Кривцун, 19, с. 24).

Примером этому может служить диалог Платона «Пир», где раскрывается символика мужского начала как такого, которое порождает в другом (солнце, воздух, небо) и женского – как порождающего в себе (земля). Из этой логики Платона следует, что мужское начало по своей природе более духовно, чем женское.

Соотнося физические, духовные, интеллектуальные и эстетические аспекты мирозерцания, Платон разрабатывает свою модель восприятия человеком прекрасного, состоящую из четырёх ступеней, каждая из которых совершеннее предыдущей.

Первой ступенью эстетического восприятия есть чувственная тяга, волнующее побуждение как изначальный импульс эстетического любования, который вызывает вид физического совершенства. Но поскольку прекрасные тела преходящи в своей привлекательности и следовательно, идею красоты нельзя обнаружить на чувственном уровне, то данная ступень эстетического восприятия не является самодостаточной.

Следующим уровнем эстетического восприятия есть уровень духовной красоты человека, который соединяет в себе её эстетический и этический аспекты. Анализируя эту ступень, Платон приходит к выводу, что и прекрасные души непостоянны, они бывают неустойчивы, капризны, а поэтому идею прекрасного нельзя постигнуть, оставаясь на втором уровне.

Третья ступень – науки и искусства, которые воплощают знания, охватывающие опыт всего человечества. Однако и здесь требуется избирательность, поскольку часто науки и искусства обнаруживают ущербность, так как человеческий опыт слишком разнообразен.

Поэтому наивысшим уровнем восприятия прекрасного есть четвёртый уровень, который представляет собой высшую сферу мудрости, Благо, где соединяются линии всех мыслимых совершенств реального мира.

Определив роль искусства в духовном возвышении личности и обосновав идею её гармонического развития как идеала воспитания, мыслители Древней Греции заложили методологические основы разработки проблемы духовности в воспитании и духовности самого воспитания в последующие исторические периоды.

Усиление чувственного начала и ослабление сверхчувственности и сверхразумности идеалистической культуры обусловило её эволюцию в *чувственную культуру*, которая, по

своей сущности есть культурой сенсорной, гедонистической, эмпирической, светской (П. Сорокин, 38, с. 443).

Сформировалась эта культура в раннем палеолите, однако в истории культурно-исторического развития человеческой цивилизации она стала доминирующей в Ассирии, Среднем и Новом Царствах Древнего Египта, крито-микенской культуре и греко-римской цивилизации III в. до н.э. – IV в. н.э.

С начала XVI века чувственная культура переживает новый расцвет, который захватывает и наше время, наполняя сенсорным содержанием все элементы современной культуры: искусство, науку, философию, образование и др.

В отличие от идеациональной культуры, чувственная культура есть низкоконтекстной (Ю. Кузьменкова, 20, с. 111). Проявляется это в том, что художественный дискурс, который сформировался в этой культуре, будучи тонким, даже виртуозным, остаётся в целом мелочным: в нём нет ни глубины чувства, ни высоты духовного полёта, его каноны легко меняются (Е. Трубецкой, 45, с. 97).

Чувственная культура – это культура «мыльных» опер и сериалов, ток-шоу и массовых зрелищ, где всё предельно ясно, «разжевано» и выставлено на показ. Эта культура направлена на снятие запретов и ограничений, разрушение прежних устоев и аксиологических основ общества, в том числе, духовно-моральных, религиозных, гендерных.

Ориентированность чувственной культуры на рынок, шоу-бизнес, обуславливает отношение к любому её явлению как объекту купли-продажи, товару, который должен быть конкурентоспособным на рынке товаров и услуг (в образовании это нашло отражение в термине «образовательные услуги»). Приоритет рыночных отношений обуславливает тяготение чувственной культуры к сенсационности, эпатажности, что особенно ярко проявляется в журналистике и искусстве.

Вследствие этого современное искусство, по мнению современного российского режиссёра Андрона Кончаловского, утрачивает свойственный творчеству субъективизм оценки реальности (А. Кончаловский, 17, с. 360-361). Его самобытность и художественная глубина перестают быть необходимостью. Так, в музыке чувственное искусство тяготеет к созданию комбинации звуков, которые или наслаждают, или раздражают. Достигается это посредством чисто физических качеств, а не символов или трансцендентных значений, сокрытых под ними. В этом смысле музыкальное искусство отражает лишь поверхность явлений окружающего мира – их внешние формы, вид и звуки, вместо того, чтоб раскрывать их сущность. Чувственная литература, по оценке П. Сорокина, есть «бихевиористическим отображением» поверхностной психологии, поверхностных событий и персонажей. Отсюда ученый-социолог выводит иллюзорный характер чувственного искусства, которое стремится к показной пышности, отображая большей частью внешний вид, а не саму субстанцию. Хотя чисто с технической стороны современное чувственное искусство он считает намного более совершенным, по сравнению с другими типами искусств, так как оно «может имитировать примитивное искусство, искусство Фидия или Полигнота, готических соборов и египетских пирамид, Рафаэля и Микеланджело, Гомера и Данте, Палестрину и Баха, греческого и средневекового театра» (П. Сорокин, 38, с. 449).

Это нескончаемое разнообразие, выходящее за рамки одного стиля или сферы, что свойственно искусству предыдущих эпох, П. Сорокин считает неопровержимым достоинством современного чувственного искусства: «Оно настолько богато своим разнообразием, что на любой вкус можно найти встречное предложение. ... Оно, как энциклопедия или гигантский универмаг, где каждый может найти все, что ищет» (П. Сорокин, 38, с. 449-450).

О формировании современного социокультурного контекста духовности воспитания

Современная чувственная культура создала произведения искусства, которые П. Сорокин называет беспрецедентными и по своему объему, и по своим размерам: «Наши дома сделали карликовыми наибольшие строения прошлого; лилипутскими кажутся старинные оркестры и хоры по сравнению с оркестрами и хорами нашего времени; то же самое можно сказать и о романах и поэмах» (П. Сорокин, 38, с. 449).

Как следствие, современное чувственное искусство с небывалым размахом описывает жизнь огромных масс: «Оно проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации – от простых орудий и инструментов до домашней мебелировки, одежды и др. ... Если раньше музыка, картины, скульптуры, поэмы и драмы были доступны лишь избранному меньшинству, которому посчастливилось оказаться в той комнате, где исполняли музыку, выставляли картины или скульптуру, читали поэму или разыгрывали драму, то в наше время почти каждый может наслаждаться симфониями, исполняемыми наилучшими оркестрами; драмами, которые разыгрываются наилучшими актерами; литературными шедеврами, напечатанными тысячными тиражами и проданными за приемлемую миллионам цену или доступными во множестве библиотек; картинами и скульптурами в оригинале, выставленными в музеях и размноженными в огромном количестве отличных копий и т. д. и т. п.

С минимальными затратами энергии каждый может оказаться наедине с любым предметом искусства. Это искусство вошло в каждодневную жизнь современного человека, отразившись в цвете и линиях его автомобиля, в изгибе линий его обуви и стола, в мельчайших аксессуарах его ванной комнаты. Вместо того чтобы быть редкостным искусственным растением, выращенным лишь в нескольких «яслях» малой группой художников и доступной нескольким счастливицам, красота и искусство стали рутинной принадлежностью всей западной культуры, которая влияет на каждую деталь нашего жилища, на каждый дюйм улиц и магистралей, парков и на все другие стороны нашей социально-культурной жизни. Это, несомненно, немалое достижение. Оно означает всестороннее украшение всей жизни и культуры человека. ... Во всех этих отношениях современное искусство обогатило культуру и значительно облагородило самого человека» (П. Сорокин, 38, с. 449-450).

Вместе с тем, одновременно с этими чудесными достижениями современное чувственное искусство содержит, по мнению П. Сорокина, в себе самом вирусы распада. Обусловлено это его низкоконтекстностью и бездуховностью, которые проявляются в том, что:

1. Чувственное искусство пропагандирует агрессивный гедонизм, моральный релятивизм и вседозволенность как «свободу ото всего». Это приводит его к саморазрушению, так как одна из его базовых социально-культурных ценностей сводится к простому чувственному наслаждению уровня: «вино – женщины – песня» (П. Сорокин, 38, с. 450). Таким образом, оно постепенно отчуждается от культурных, духовных и моральных ценностей и становится аморальным, десакрализованным, асоциальным. В поисках сенсационного материала, как необходимого условия возбуждения и стимуляции чувственного наслаждения, искусство все чаще уклоняется от положительных явлений к отрицательным, от обыкновенных типов и событий – к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности – к социальным отстойникам и, в конце концов, становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности. Отвечая на запросы рынка, большинство из которых вульгарны, искусство само вульгаризируется и вместо того, чтоб поднимать массы к собственному уровню, оно опускается до уровня толпы (П. Сорокин, 38, с. 451-452).

Соглашаясь в этом с П. Сорокиным, отметим, что действительно, современный шоу-бизнес ориентирован не на создание нетленных шедевров, а на тиражирование «однодневок», которые «выстреливают», создают яркое впечатление, но вследствие своего, как правило, невысокого художественного качества быстро устаревают, «приедаются», опускаясь на всё более низкие ступеньки хит-парадов, а со временем и забываясь вместе со своими исполнителями.

2. Современное чувственное искусство «развенчивает» своих героев, делая бессмертных смертными, положительных отрицательными (и наоборот), освобождая их от всего божественного и благородного. Более того, оно игнорирует высокое и благородное в самом человеке, его социальной жизни и культуре, «по-садиistically заостряя внимание на всем посредственном и особенно отрицательном, патологическом, полусоциальном и получеловеческом, формируя травестийное сознание масс, в соответствии с которым «все может быть осмеянным» (О. Кривцун, 19, с. 37).

3. Необычайное разнообразие искусства поощряет художников к поиску еще большего разнообразия и оригинальности, что приводит к разрушению гармонии, целостности формы, равновесия и превращает искусство в океан хаоса и непоследовательности.

4. Это разнообразие и гедонизм искусства стимулирует усложнение технических средств в ущерб внутренним ценностям и художественному качеству. В результате «божественные духовные ценности искусства умирают во мнении публики. Граница между истинным искусством и чистым развлечением стирается: стандарты истинного искусства пропадают и постепенно заменяются фальшивыми критериями псевдоискусства» (П. Сорокин, 38, с. 452).

5. Повышение профессионализма художника, углубление его специализации приводит на последних стадиях развития чувственной формы искусства к отдалению художника от его репрезентативного сообщества, что действует во вред как каждой из сторон, так и искусству вообще.

6. Отражая чувственные, внешние аспекты явлений окружающей действительности, искусство все менее раскрывает сущность изображаемого и поэтому становится поверхностным, обманчивым и пустым (П. Сорокин, 38, с. 450-451).

Ценностный и духовный контекст современного человека

Обратим внимание, что такая подмена сущности имиджем – важная характеристика социокультурного типа личности, характерного для современной чувственной сверхкультуры и гедонистической цивилизации. Это – человек общества потребления, который не всегда такой, каким хочет казаться. Стремясь создать мнение о себе, он придает большое значение внешней стороне своей личности, а также способам ее самопрезентации. Именно с этим связано преуспевание сегодня имиджмейкеров, что блестяще отражено в кинокомедии «День выборов» современного российского режиссера Олега Фомина.

Вместе с тем, мы согласны с П. Сорокиным в том, что у представителя чувственной культуры много положительных качеств: он свободный, активный, стремится к самоосознанию, самокритичный, страстный, жизнелюбивый, эмоциональный. Это реалист, который критически оценивает окружающий мир и активно ищет способы изменить его, в соответствии со своими потребностями и желаниями.

Но мы солидарны с П. Сорокиным и в том, что у этого человека много также негативных сторон – гедонизм, эгоизм, потребительство, поверхностность, прагматизм, необязательность, моральный релятивизм, а нередко – эпатажность, распушенность, вседозволенность, бездуховность и откровенная асоциальность. Как точно охарактеризовал такой тип личности Е. Головин, это человек, утративший стихийную радость бытия, которому при «застывании крови» необходимо постоянно чем-то себя подбадривать. Примером тому могут служить музыкальные композиции, видеоклипы, кинофильмы и

произведения других видов искусства, в которых культивируется и пропагандируется насилие, сатанизм, вампиризм, «кладбищенская» символика, сексуальная распущенность, смакуются сцены садизма и др. Такими есть популярные среди современной молодёжи «банды nu metal»: «Cradle of Filth», «Children of Bodom» и др., а также мультфильмы «Южный парк», «Семейка Адамсов» и др.

Увлечение молодёжью этими «произведениями искусства» свидетельствует о том, что «современному человеку надоело искать небесный абсолют, так как такие духовные и интеллектуальные упражнения требуют много энергии. На смену божественной вертикали он выбирает банальную горизонталь – интерес к человеческому телу, материальным удовольствиям, щекотку страхом и др.» (Ю.Воробьёвский, 5, с. 154). Поэтому мы считаем справедливыми выводы П. Сорокина и Е. Головина, что такие художественно-эстетические предпочтения молодёжи есть признаками её духовной деградации, а также духовного кризиса общества, в котором она живет.

Этот кризис имеет аксиологическую природу. Он обусловлен тем, что в современном глобализированном обществе, которое характеризуется всё более активным взаимопроникновением культур и нивелированием межкультурных отличий, человек оказывается в поликультурном пространстве, в котором одновременно сосуществуют разные культурные, духовные и национальные идеалы и ценности. Получая широкий доступ к ним, он оказывается в ситуации ценностного выбора (Н. Лебедева, 21, с. 207). Но, так как в условиях современного общества не существует единой для всех его членов системы ценностей, то каждый человек попадает в ту аксиологическую среду, ценностный контекст которой он сам для себя выбрал.

Особенно сложно в такой ситуации молодежи, которая еще не имеет сформированных аксиологических критериев, позволяющих ей отличить истинные ценности от ложных. В своём стремлении самоутвердиться, освободиться от опеки взрослых молодые люди склонны бравировать, нарушать устои, эпатировать, и поэтому выбирают для себя те «ценности», которые дают им ощущение психологической свободы (на этом строятся многие молодежные субкультуры).

Но известно, что свобода, будучи наивысшим благом для человека, превращается во вседозволенность, если не подкрепляется внутренними критериями меры, моральным законом, закреплённым в категорическом императиве И. Канта, если не становится осознанной необходимостью. Кроме того, важно, какая это свобода: свобода «от» или свобода «для»; свобода «для чего» или свобода «для кого» (как у героев поэмы А. Блока «Двенадцать»: «Свобода! Свобода! Эх-эх, без креста, тра-та-та!»).

Свобода воли есть главной ценностью и главной чертой человека, отличающей его от всех живых существ, бытие которых жёстко детерминировано генетической программой и инстинктом. И это предопределяющее влияет на образ мыслей и деятельность человека: он постоянно балансирует на «лезвии бритвы», находясь в состоянии выбора между сиюминутным и вечным, материальным и духовным, личным и общественным. Этот выбор, с одной стороны, детерминирован потребностями, точно определенными А. Маслоу в пирамиде потребностей, с другой стороны, зависит от воспитания человека, его ценностей, направленности на приобретение материальных благ или на личностное самосовершенствование, расширение кругозора, восхождение к духовным вершинам, гуманистическим идеалам, то есть – на духовное развитие. Как воспользуется человек данной ему свободой выбора, зависит от уровня его духовности и социальной зрелости, определяемого предпочтениями материальных или духовных ценностей.

Эти предпочтения обусловлены дуальной природой человека, который, по определению российского психолога Михаила Грота, есть посредником между миром Природы и миром Культуры, Духа, ибо создан по образу и подобию Божию.

Духовный и гуманистический смысл социальной экологии

В социальной экологии это нашло отражение в понятии «экология жизни», которое включает в себя, с одной стороны, экологию окружающей среды, природы, культуры, информационного пространства и др., с другой – экологию души человека. В связи с этим в социальной экологии определены критерии значимости человеческой жизни, среди которых:

- *полнота проживания* – как способность человека сознательно совершать свой выбор, управлять своей жизнью и превращать её в житнетворчество;

- *самодостаточность* – как реализация принципа автаркии «достаточно самого себя»;

- *уровень духовного развития личности* – как осознанная избирательность ценностей, способность отдавать, заботиться и любить (Э. Помыткин, 32, с. 44). В соответствии с этим, если человек отдаёт предпочтение материальным ценностям, то он склонен больше брать, направлен на удовлетворение материальных потребностей. Если духовным – то он больше отдаёт, заботится о ближних, стремится к духовному началу во всех его проявлениях (в этом состоит основное отличие представителей чувственной и идеациональной культур);

- *способность реализовывать свои права, принятые Декларацией прав человека ООН* (Н.Чернышёв, А. Вовк, 39, с. 68).

Мы бы добавили сюда ещё такие критерии, как: духовное содержание и ценность для человечества результатов жизнедеятельности человека (что он оставляет после себя); осознание ответственности за последствия своих действий, сформированность ноологического сознания и чувства взаимозависимости в общепланетарном смысле.

Сегодня об этом говорится на разных уровнях в контексте глобальных парадигмальных изменений, которые происходят вследствие динамической трансформации индустриального общества в информационное (или, общество знаний) (В. Кремень, 18) и углубления кризиса чувственной культуры.

В соответствии с результатами исследования учёных, в современном обществе «не только тесты, но и бытовое сознание фиксирует, что в поведении людей начинают доминировать эгоистические компоненты, падает уровень их духовности, а вместо этого усиливается их индивидуализм» (Н. Лебедева, 21, с. 207).

Эти выводы подтверждаются также исследованиями научных сотрудников Института социальной и политической психологии Национальной академии педагогических наук Украины, которые свидетельствуют о том, что современное поколение украинцев, прежде всего молодёжь, становится всё более эгоцентричным и бездуховным. Среди преобладающих ценностей молодых людей главное место занимают ценности личностного плана, прежде всего, деловая активность, карьера и материальное благополучие» (Г. Филипчук, 49, с. 70).

Не останавливаясь на анализе социально-экономических причин изменения духовных ценностей украинского народа, сосредоточимся на исследовании социально-культурных и этнокультурных детерминант этого процесса, которые, впрочем, общие для всего постсоветского пространства.

Проявление социокультурных и этнокультурных детерминант контекста духовности воспитания

Так, современные исследования этнокультурных особенностей носителей восточноевропейской культуры XX века обусловили вывод о тенденции к унификации черт национального характера жителей бывшего СССР и стран социалистического лагеря. Это связывается исследователями с подобностью адаптации людей к условиям жизни в коммунистическом тоталитарном государстве (Н. Лебедева, 21, с. 186-224): единая коммунистическая идеология, единый главенствующий метод в искусстве – социалистический реализм, единый по тематике и типологии образов советский кинематограф, который со времён Сталина рассматривался как мощное средство

формирования «советского человека» – всё это способствовало унификации общественных и духовных ценностей, а как следствие, – и личностных черт жителей Советского Союза, подгоняя их под единые стандарты «винтика общественной системы».

С распадом СССР коммунистические ценности утратили свой смысл и разрушились, оставив после себя ценностный вакуум, который тут же стали заполнять современная массовая культура и квази-искусство, в которых поляризуются рациональность и духовность (Л. Горелюк, Т. Лисицына, 7, с. 20) и которые активно превращают современное общество в общество потребления, со всеми его атрибутами: рекламой, приземленностью и травестийностью общественного сознания, пропагандой прагматизма, гедонистическими установками («Живи сегодня»), превалированием имиджа над сущностью, а формы над содержанием, моральным релятивизмом и подменой ценностей («Нет добра и зла, все относительно»). Но ведь не случайно, ещё Платон в своём известном сочинении «Государство» говорил о том, что когда изменяется музыка, дрожат устои государства.

Сменившие советскую массовую песню «попсовые хиты», пропагандирующие «сексуальную свободу» и гедонизм, постепенно превращают слушателей и «тусующуюся» в клубах молодёжь в беззаботных и безответственных потребителей удовольствий и наслаждений. Массовые шоу и телесериалы, пришедшие на смену «старому советскому кино», буквально парализуют сознание зрителей и формируют психологическую зависимость от них вследствие того, что режиссёры этих программ в погоне за рейтингом умело используют эффект «завлечения» («Что дальше?») и «играют на человеческих слабостях» массового зрителя (по Д. Карнеги, управляют им «по позитивным отклонениям»). Таким способом организаторы шоу-бизнеса манипулируют сознанием человека (особенно молодого поколения), примитивизируя и «приземляя» его, сводя его до уровня «хлеба и зрелищ».

Постоянное пребывание современной молодёжи в калейдоскопе этих динамично сменяющихся антихудожественных явлений современной низкоконтекстной и бездуховной квази-культуры незаметно изменяет её сознание и стиль жизни, расшатывает морально-этические устои личности, внедряя в подсознание антигуманные установки и разрушая духовную связь со своим народом и его национальной культурой. Глобальная опасность этого для нации состоит в том, что с изменением социокультурного контекста социализации и воспитания молодого поколения изменяется и его духовный контекст. А поскольку на его основе формируется генетически деформированный «цивилизационный код» личности, то целое поколение людей, превращается в «манкуртов» – древний, духовно падший народ, который оторвавшись от своих духовных основ и национально-культурных корней, прервав национальную духовную традицию, сам подорвал устои собственной культуры и государственности, разрушил свою духовность, тем самым уничтожив сам себя (А. Мамонтов, 22, с. 69).

Стремясь предотвратить национальную катастрофу, вызванную культурным и духовно-аксиологическим кризисом современного украинского общества, украинский учёный-культуролог Мирослав Попович говорит: «Вариантов утраты ценностей и вследствие этого – национальной катастрофы – много, вариант же возрождения лишь один. Это бережное сохранение и приумножение национальной культуры, в которой заключён дух народа и которая сохраняет его от деморализации» (М. Попович, 33, с. 241).

В связи с этим усилия педагогической общественности следует направлять не просто на сохранение и распространение национальной культуры как оплота духовности народа, но и на активное введение её в воспитательный процесс современной школы, формирование на её основе контекста духовности воспитания. Опорой в этом должна служить национальная духовная традиция, накопленный народом духовный опыт, который, по выражению венгерского архитектора Имре Маковеца, есть важным средством сохранения ментальности народа в сегодняшних условиях провозглашения «свободной духовности».

Национально-культурная идентичность личности

Ориентация национальной системы образования и воспитания на передачу молодому поколению национальной духовной традиции и духовного опыта предыдущих поколений позволит, по убеждению украинского учёного, академика Георгия Филипчука, сформировать новую генерацию носителей национального духа и национальной идеи – национальную элиту, которая идентифицирует себя со своим народом, его культурой, духовными святынями и традициями (Г. Филипчук, 49, с. 105). И тогда «современная космополитическая попытка сформировать потребительскую личность, не будет иметь никакой исторической перспективы, так как этой личности не хватит культурной опоры, мотивации» (Г. Филипчук, 49, с. 72). Ведь, по справедливому утверждению В. Сухомлинского, «чем более культурным становится человек, тем он становится сильнее ... Сила умноженная на нежность, рождает благородство. Благородство не может быть слабым. Его долг увлекаться красотой, творить её, защищать её» (В. Сухомлинский, 42, с. 471).

Решать эти задачи призвана современная национальная школа, так как лишь через образование и воспитание гражданское общество может придти к пониманию того, что ценность нации заключается в силе её культуры и духовного творчества (Г. Филипчук, 49, с. 268).

Примером тому могут служить Япония, Франция и Германия, резкий скачок в социальном развитии которых, по результатам научных исследований И. Зязюна, В. Слостёнина и В. Николаева, обусловлен увеличением внимания в этих государствах к развитию национальной духовной, в том числе педагогической, культуры (И. Зязюн, 13, с. 25; В. Слостёнин, В. Николаев, 37, с. 21).

Новое видение воспитательной роли современной национальной школы представлено в мировой образовательной стратегии, разрабатываемой сегодня мировой педагогической мыслью с учётом нынешних социально-педагогических и духовных реалий.

Так, в Докладе Международной комиссии по образованию ЮНЕСКО определены стратегические направления развития школы в XXI веке, среди которых особое место отведено формированию духовности и национально-культурной идентичности подрастающего поколения на основе приобщения его к национальной и мировой культуре и искусству (28, с. 52).

В соответствии с этим документом, национальная школа, должна воспитывать высокодуховную личность с позитивной этнической самоидентификацией в духе патриотизма, национальной гордости и достоинства (28, с. 21).

С целью эффективного выполнения этой миссии и ориентации школы на национальную духовную культуру в её деятельность всё шире внедряются культурологический и этнопедагогический подходы, в соответствии с которыми цели образования состоят:

- в воспитании в человеке духовности на основе национальной культуры как наиважнейшей его ценности (И. Зязюн, 12, с. 304);

- в установлении духовной связи воспитанников со своим народом путём создания ситуаций, в которых они переживали бы чувство принадлежности к нему и его национальной культуре (Т. Усатенко, 46, с. 50).

Ведь, как справедливо отмечает известный украинский учёный, экс-министр народного образования Украины, академик Иван Зязюн, «главное в человеке – его духовность на основе национальной культуры. Речь идёт о наиважнейшем в ней, о том, что в историческом аспекте вечно и нерушимо. ... у каждого народа есть веками отшлифованные культурные ценности, достижения, которые формируют неповторимость, оригинальность и величие национального духа человека... Наиважнейшим измерением национальной неповторимости человека есть национальная культура как основа его духовности» (И. Зязюн, 12, с. 304).

Важную закономерность культуросоответствующей организации воспитания сформулировали российские учёные-педагоги В. Слостёнин и В. Николаев, которые утверждают, что качество народного воспитания зависит от меры сохранения в его содержании и формах культурных, духовных и этнопедагогических традиций народа (В. Слостёнин, В. Николаев, 37, с. 27).

Поэтому педагогам современной школы важно осмыслить духовные традиции своей культуры, «свои культурные и социальные архетипы, которые лежат в основе национальной психологии, с тем, чтобы не пренебрегать ими, а разумно «встраивать» в бурный процесс общественного развития, а в критические моменты и выверять по ним этот процесс» (К. Касьянова, 15).

Значение родной культуры в формировании ценностных ориентаций личности

По мнению автора компаративных исследований в области этнокультурных традиций речевого поведения Ю. Кузьменковой, свободу выбора личностью ценностных ориентаций и, что наиболее важно, осознанность этого выбора обуславливает глубокое изучение родной культуры. Но в процессе определения человеком своих духовных ориентиров и духовных ценностей следует отталкиваться не от современного состояния культурно-исторического развития народа, а от его общей направленности к национальному идеалу (Ю. Кузьменкова, 20, с. 25).

Таким образом, формирование духовности личности в современных условиях неотъемлемо от становления её национально-культурной идентичности и поэтому требует обеспечения национального характера образования и воспитания. Это становится возможным на основе осмысления культурно-исторического, духовного и художественного значения достижений народной духовной культуры и выявления возможностей использования их как компонентов содержания национального образования и воспитания.

Проектирование этого содержания предполагает, по утверждению В. Слостёнина и В. Николаева, осмысление *двух групп противоречий*.

Первая группа – противоречия народного воспитания, которые необходимо понимать педагогу и уметь их преодолевать с использованием этнопедагогического материала:

- между духовными качествами народного воспитательного идеала – и реальными духовными качествами воспитанника;
- между задачами современной школы по духовному развитию личности – и индивидуальными возможностями учащихся духовно развиваться;
- между значительным стремлением идеального воспитанника к духовному самосовершенствованию – и реальными потребностями и стремлениями конкретного ученика;
- между общественными нормами и традициями, которые регламентируют поведение подрастающего поколения – и желанием учащихся их выполнять, их реальными поступками и др.

Вторая группа противоречий стимулирует развитие этнопедагогической и духовной культуры самого педагога:

- 1) между ориентацией официальной идеологии на развитие национальной идеи – и недостаточной разработанностью этой проблемы в педагогической теории;
- 2) между потребностью представителей различных этносов в национальной идентификации – и отсутствием в педагогической практике реальных возможностей для её удовлетворения;
- 3) между возрастающими потребностями практики обучения и воспитания в систематическом использовании элементов традиционной педагогической культуры – и недостаточной разработанностью теоретических вопросов этнопедагогики (В. Слостёнин, В. Николаев, 37, с. 25).

С учётом этих противоречий определяются, по мнению украинского учёного Тамары Усатенко, которая занимается проблемами украиноведения и этнопедагогике, этнокультурные измерения современного национального образования и воспитания. Их критериями служат семейные, этнические и национальные духовные ценности, отражённые в концептах «дух», «душа», «корень», «основа», «род», «семья», «родина», «уважение», «защищённость», «ответственность» и др.

Внедрение этих ценностей в национальное образование и воспитание посредством изучения национальных традиций, обычаев, обрядов и праздников способствует, по мнению учёной, глубокому освоению подрастающим поколением национальной культуры, что обуславливает формирование у него этнонационального сознания и духовности. В связи с этим Т. Усатенко считает необходимым усовершенствование содержания обучения и воспитания в Украине путём введения в него национального, украиноведческого компонента, в котором центральное место занимают украинский язык и литература, история, география, культура и искусство украинского народа (Т. Усатенко, 46, с. 51).

Нам импонирует такой подход Т. Усатенко, так как мы считаем народное искусство одним из наиболее эффективных средств формирования духовности подрастающего поколения, которое приобретает особую актуальность в условиях духовного кризиса общества и релятивизации духовных ценностей. Ведь в нём в художественно-образной, эстетически привлекательной форме воплощены главные духовные ценности, значения, смыслы и нормы общества. Художественные образы народного искусства создают, по утверждению З. Фрейда, основу для совместных переживаний, которые высоко ценятся, «вызывают чувства идентификации, которые так остро нужны каждому культурному кругу» (З. Фрейд, 50, с. 26).

Рассматривая народное искусство как своеобразную метафорически-символическую систему, которая утверждает себя через преемственность народных художественных традиций, М. Некрасова отмечает, что эта система функционирует как особый тип художественного творчества в коллективной деятельности народа, обеспечивая культурно-историческую и духовную связь его поколений (М. Некрасова, 26, с. 202-205).

Культуротворческими средствами народного искусства, которые обуславливают его потенциальные и актуальные возможности выступать детерминантой формирования духовного единства народа, есть традиция и канон. Они обеспечивают константность и преемственность национального культурного и духовного опыта через бережное сохранение и передачу от поколения к поколению поэтически-образных, музыкально-интонационных и ремесленных секретов мастерства. С ними в народном искусстве передаются также образы, любимые народом мотивы, художественные принципы, духовно-моральные нормы и правила, которые, воплощая народное мировоззрение, влияют на формирование его духовной ауры, народного духа, ментальности и национального характера. Таким образом, закон традиции, по мнению М. Некрасовой, является главной силой и в развитии народного искусства, и в развитии самого народа, и в развитии его национального воспитания (М. Некрасова, 26, с. 208).

Искусство как показатель и фактор развития духовности народа

Роль народного искусства как фактора развития национальной культуры и духовности высоко оценивал видный украинский деятель культуры В. Сичинский: «Искусство всех народов и всех времён – это одна нераздельная цепь человеческой культуры – постоянное стремление к творению новых форм художественного выражения – постоянное движение вперёд. Искусство каждой страны, в каких бы условиях оно ни развивалось, есть лишь продолжением предыдущих достижений, один короткий этап для следующей эпохи. ... Раз созданное искусство оставляет глубокий след в последующих веках. Могут целиком погибнуть памятники искусства, может исчезнуть народ, который создал его, но влияние

искусства, той культуры (и материальной и духовной) человечество ощущает на себе долгие тысячелетия» (В. Сичинский, 36, с. 4).

Поэтому для того, чтобы сберечь духовное здоровье нации и обеспечить её жизнеспособность на мировой арене, необходимо, по мнению В. Сичинского, заботиться о её «культурном развитии», в котором «должно проявляться с особой силой творчество, накрепко связанное с определённым народом, со своей почвой, со своей историей» (В. Сичинский, 36, с. 4).

При этом, независимо от других культурных влияний, нация должна воспитать плеяду своих, народных художников. Ведь «когда нет своих артистов – мастеров, земля не даст нового плода; более того – искусство той страны не сможет успешно развиваться, а сам народ утратит своё искусство и даже способность к дальнейшему артистическому творчеству» (В. Сичинский, 36, с. 4).

Поскольку «творится культура лишь творчеством» (В. Ерн, 53, с. 99), то упадок народного творчества, отрыв искусства от национальных культурных основ можно считать предвестниками духовной гибели народа, первыми признаками которой есть нивелирование его национальной самобытности и падение духовности. Если же народ в отношении духовности, морали, быта, мировоззрения стоит на высоком уровне, то, как считает украинский педагог-классик Григорий Ващенко, на таком же уровне будет стоять и его художественное творчество. Поэтому развитие искусства, по мнению Г. Ващенко, всегда накрепко связано с развитием духовности народа: «Это не означает, что сам народ идёт вперёд и ведёт за собой художников. Часто бывает наоборот: художник, особенно поэт, ведёт за собой народные массы. Так, например, Шевченко повёл украинский народ и теперь ведёт его путём борьбы за волю и свою национальную культуру. Но для того, чтоб художник выполнял ведущую роль в жизни народа, нужно, чтобы между ним и народом был контакт. А это возможно тогда, когда художник отражает в себе и в своём творчестве дух своего народа» (Г. Ващенко, 3, с. 206), как это сумел Иван Котляревский, «Энеида» которого по своему содержанию и форме близка народу, и поэтому имеет на него воспитательное влияние (Г. Ващенко, 3, с. 229). Последнее проявляется прежде всего в способности художника формировать художественными средствами *ментальность* и *национальный характер* своего народа.

Философский и научный анализ этих понятий позволяет утверждать, что они непосредственно связаны с духовностью как народа в целом, так и каждого его конкретного представителя. Будучи близкими, но не тождественными по содержанию, эти понятия соотносятся между собой таким образом:

- *ментальность* отображает способ восприятия народом и его представителями действительности на базе стереотипов национального сознания. Э. Нойманн считает её единством психического поля группы, в которой произвольно или непроизвольно, осознанно или неосознанно пребывает каждый индивидуум, каждая сфера культуры, и которое состоит (как и единство индивидуальной души) из коллективного сознания и коллективного бессознательного (Э. Нойманн, 27);

- *национальный характер* связан с психологическими стереотипами поведения народа (И. Стернин, Т. Ларина, М. Стернина, 40, с. 25), или, более узко, – с социотипическим поведением личности, которая, выражая типичные программы данной культуры и будучи детерминированной определённым образом жизни, наиболее ярко проявляет свою специфику, когда человек сталкивается с нестандартной ситуацией или попадает в другую культуру (А. Асмолов, 1).

В философском словаре «Всемирная энциклопедия» национальный характер трактуется как совокупность наиболее стойких психологических качеств, сформированных у представителей нации в определённых природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях её развития (Л. Науменко, 25, с. 677-678).

Изучению этих качеств посвятили свои труды Геродот, Тацит, И.Г. Гердер, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, М. Боплан, Н. Данилевский, В. Ключевский, Н. Гоголь, В. Соловьёв, Н. Бердяев, Н. Лосский, Н. Костомаров, И. Кон и др.

Используя различные подходы и методы описания характерологических особенностей разных народов, эти исследователи создали их специфичные психологические портреты. Так, например, в основу сравнительной характерологии украинского и русского народов, разработанной известным писателем Николаем Гоголем, положены особенности их народной музыки: «Русская грустная музыка забывает жизнь, она старается отойти от неё и заглушить каждодневные потребности и заботы, но в украинских песнях она слилась с жизнью, голос её такой живой, что, кажется, не звучит, а проговаривает, проговаривает словами, говорит речь, и каждое слово этого блестящего языка пронимает душу» (Н. Гоголь, 6, с. 156).

Раскрывая особенности украинского национального характера в произведении «Два путешественника», Н. Гоголь персонифицирует их в образах путешествующих философов, акцентируя внимание на том, что «как именно философы идут за правдой зависит в большой степени от природы человека, а вместе с тем и народа, из которого он вышел» (Н. Гоголь, 6, с. 206). В этом, по мнению писателя, наиболее глубоко проявляется дух и индивидуума и всего народа.

Исследуя историю формирования украинского национального характера, украинский историк Дмитро Чижевский пришёл к выводу, что особенности этого характера сформировались в значительной степени под влиянием украинского барокко и романтизма, которые обусловили развитие таких психологических качеств украинцев, как сентиментализм, отзывчивость и лиризм. Но наибольшей мерой на формирование национального характера украинского народа, особенно его духовных качеств, повлияла, по его мнению, староотеческая христианская литература: «Отцы церкви и Святое Письмо – это были те духовные силы, которые влияли на старую Русь» (Д. Чижевский, 52, с. 20-21).

Иного мнения в этом вопросе придерживается Г. Ващенко, который считает, что определяющая роль в формировании национального характера украинцев принадлежит народной песне: «Отвечая красоте украинской природы и высоким эстетическим свойствам украинского народа, она всегда имела и имеет большое влияние на формирование его характера» (Г. Ващенко, 3, с. 221), поскольку «она выявляет саму душу народных масс ... и влияет на эмоции человека непосредственно, тогда как все другие виды искусства действуют на чувства опосредованно через мысли и представления» (Г. Ващенко, 3, с. 119-120).

Через народную песню «душа непосредственно разговаривает с душой», поэтому она поддерживает «сознание национального единства украинского народа, любовь к родине и уважение к себе» (Г. Ващенко, 3, с. 120). Именно поэтому в песне, по убеждению Г. Ващенко, наиболее ярко отражается национальный идеал украинского народа.

Характеризируя его, В. Янив отмечает, что украинец «желает социального резонанса, поэтому у него возникает потребность высказывания. Это высказывание, принимая во внимание желание как можно скорее повлиять на социального партнёра, стимулирует к завершению, а значит, к одновременному обращению к нескольким сферам. Отсюда соединение слова и музыки в известной песенности украинцев, отсюда желание эстетического высказывания, желание петь» (В. Янив, 55, с. 245).

Народные песни стали, по выражению известного украинского фольклориста Филарета Колессы, «органичным произведением народного духа: они живут и развиваются в тесной связи с духовной жизнью народа, как его наисильнейшее высказывание. Поэтому украинские народные песни дают неисчерпаемые средства к познанию характера и души украинского народа, его истории и культурного развития» (Ф. Колесса, 16, с. 10).

По мнению Д. Чижевского, песенность украинцев органично связана с таким их духовным качеством как кордоцентризм, который проявляется в том, что «в человеческой

душевной жизни глубже, чем осознанные психические переживания, служит их основа – «сердце», которое порождает и обуславливает собой, так сказать, «поверхность» нашей психики» (Д. Чижевский, 52, с. 22).

Не случайно же, считает учёный, именно в Украине возникла «философия сердца», основоположниками которой стали Данило Туптало, Григорий Сковорода, Николай Гоголь, Памфил Юркевич.

Мощный духовный и кордоцентрический потенциал народной песни засвидетельствован также результатами социально-психологических исследований детерминант формирования национального характера украинского народа.

Отмечая особую психологическую действенность влияния песни именно на представителей того народа, которым она создана, учёные-психологи объясняют её тем, что заложенные в народной песне эмоционально-содержательные коды, развиваясь и обогащаясь в ходе культурно-исторического развития народа, создали «национальный музыкальный генотип» – совокупность наследственных музыкальных структур и средств, которые из поколения в поколение передавались в народе, формируя черты его национального характера и его духовные качества (Г. Науменко, 24, с. 3).

Психологические механизмы влияния народной песни обусловлены тем, что в процессе её слушания или, тем более исполнения, человек постепенно личностно погружается в её содержание. На первом этапе он находится под неосознанным её влиянием (Л. Выготский назвал это «действием-аффектом»). Следующий этап восприятия и исполнения народной песни характеризуется актуализацией не только эмоциональной, но и интеллектуальной сферы личности слушателя и исполнителя, выработкой у них оценочно-ценностного отношения к ней. Внешне это проявляется в осознанном действии, направленном на раскрытие эмоционально-образного содержания песни: сюжета, художественных образов, настроения и т. д.

В этом процесс происходит эмоциональная децентрация личности слушателя и исполнителя, вследствие которой они, невольно уподобляясь героям народнопесенных произведений и эмпатически переживая их чувства и поступки, поневоле идентифицируют себя с ними и благодаря этому интернализируют ценности, смыслы, убеждения, представления, нормы поведения, носителями которых выступают эти герои.

Таким образом, приобщаясь к искусству своего народа, человек непроизвольно присваивает систему его духовных норм и ценностей, усваивает его архетипы, которые, по К.Г. Юнгу, всю жизнь действуют в нас, заставляя чувствовать «что-то невыразимое», волноваться от музыки, песни, образа, не понимая причин этих волнений.

Приобщаясь к духовной культуре своего народа через песню, танец, декоративно-прикладное искусство, человек усваивает иррациональную информацию, заложенную в мелодико-интонационных оборотах, ритмо-синтаксических формулах, движениях и жестах, цветах и орнаментах, национальной стилистике художественного языка разных видов искусства, которые в концентрированном виде содержат национальный духовный опыт и есть художественными выразителями национальной сущности и духовности этого народа. Полученная в процессе взаимодействия с народно-художественным произведением информация в сжатом виде кодируется в мозге человека в особых системах нейронов, откладывается в его долгосрочной памяти, а потом постоянно воспроизводится в течение его жизни (Г. Науменко, 24, с. 16).

Внутреннее единство и взаимосвязь национальной культуры с национальным характером и духовностью народа

Рассматривая народное искусство как средство и результат самовыражения народов мира, современный российский учёный Николай Серов обосновывает существование непосредственной связи между его символикой и духовностью определённого народа.

В частности, он соотносит цвет с хроматизмом и цветовыми кодами, непосредственно связанными с определёнными компонентами интеллекта, которые определяют информационное наполнение архетипов как всеобщих априорных психических и поведенческих программ коллективного бессознательного определённой культуры (Н. Серов, 35, с. 48).

Учёный считает, что выбор цвета, традиционно используемого в разных религиях, государственной символике и народном искусстве, изменение цвета одежды в соответствии с новой модой и др. обусловлены качественными отличиями или изменениями в сознании и самосознании членов определённой социальной группы, переходом их на новый уровень интеллектуального и духовного развития (Н. Серов, 35, с. 9). Подобную мысль высказывал и Г. Ващенко, отмечая влияние стилей на мировоззрение, настроения общества, его достижения в области духовной и материальной культур (Г. Ващенко, 3, с. 211).

Обоснованный Н. Серовым принцип метамеризации светоцветовой информации позволил ему определить этапы кодирования цвета в мозге человека. На этой основе учёным была сформулирована гипотеза, что число метамеров, в которых коллективное бессознательное кодирует информацию внешней среды, отвечает числу архетипов и пропускной способности интеллекта (Н. Серов, 35, с. 49). Соответственно, бессознательное типичных представителей определённой культуры проявляется как форма и способ связи наследуемых бессознательных первичных человеческих первообразов (В. Овчаренко, 29, с. 179).

Начальная стадия этого процесса происходит, по мнению учёного, на неосознанном уровне, например, сетчатки глаза. В хроматизме это свойство выделено как стадия не только первичной обработки, но и систематизации, обобщения и сохранения цветовой информации внешней среды, которая, будучи закодированной в виде метамеров, передаётся из бессознательного в подсознательное. Этот процесс происходит, практически, так же, как и процесс сублимации, то есть путём превращения энергии-информации метамеров бессознательного в более социализированное подсознание. В результате этого создаётся сублимат – неосознанный образ в виде беспредметного, аппертурного цвета.

Исследования Н. Серова засвидетельствовали, что в различных языковых семьях зрительные образы определённого количества аппертурных цветов соответствуют зрительным образам, которые хранятся в генетической памяти народа. Учёный считает это следствием более лёгкой активизации последних в ответ на стимулы, которые воспринимаются, и меньшей их подверженности искривлениям, которые могут быть вызваны вербализацией «цветов в ответ». В силу того, что аппертурные цвета лучше и точнее, чем другие запоминаются даже теми реципиентами, в языке которых отсутствуют их названия, они получили в психолингвистике наименование фокусных.

Н. Серовым доказано, что почти во всех культурах количество фокусных полихромных цветов оказывается равным 7 ± 2 , что абсолютно согласуется с числом архетипов, определённых К.- Г. Юнгом (К.-Г. Юнг, 54, с. 61).

Таким образом, сублимация как процесс превращения неосознанной энергии-информации в подсознательную энергию, или, перевод метамерных цветов в аппертурные, завершается, по Н. Серову, созданием сублиматов, которые представляют собой хроматическую характеристику архетипа, позволяющую определить его значение в коллективном бессознательном в соответствии с семантикой цветовых канонов (Н. Серов, 35, с. 48-50).

В этом смысле аппертурные цвета, по мнению учёного, передают семантическое наполнение архетипов в большей степени, чем их вербальные обозначения и обеспечивают свойственное носителям определённой культуры понимание мира, внутреннее единство и взаимосвязь национальной культуры с национальным характером и духовностью народа.

Если же светоцветовой, визуальный ряд народной мифо-символики дополняется ещё и вербальным, аудиальным, кинестетическим и другими метафорически-символическими рядами, то это, безусловно, усиливает действие психологических механизмов формирования этнокультурной идентичности, национального характера и духовности как народа в целом, так и его конкретных представителей (Н. Серов, 35, с. 48-50).

Из этого следует, что народное искусство может служить могучим орудием укоренения в сознании человека системы национальных духовных ценностей через формирование его эстетического опыта как своеобразного «континуума свойств и качеств с помощью которых он включается в социально-культурную среду» (И. Зязюн, 11, с. 112). Поэтому искусство каждого народа, как художественно-творческое познание и воплощение народного духа, особенный тип художественного творчества, в котором заложен сверхмощный духовный, культурный и нациотворческий потенциал, может (и должно) стать системообразующим компонентом современной философии образования. А педагогическая наука и практика, осознав в полной мере непреходящее духовно-аксиологическое и педагогическое значение народного искусства, должны направить свои усилия на разработку и внедрение в воспитательный процесс современной школы эффективных технологий использования его в духовно-моральном, художественно-эстетическом, патриотическом и трудовом воспитании подрастающего поколения с целью формирования его национального характера и духовности. Ведь на современном этапе социального и национально-культурного развития стран постсоветского пространства народное искусство выступает тем последним бастионом, который оберегает духовность народа от массивированного негативного влияния современной массовой культуры, разрушающей физическое, психическое и духовное здоровье подрастающего поколения, и создаёт надёжную основу и питательную почву для формирования контекста развития его духовности и этнокультурной идентичности.

Обобщение

Обобщая изложенное в этом разделе монографии, можем прийти к выводу, что в современном проблемном поле педагогической науки и образовательно-воспитательных реалий духовность выступает базовой категорией педагогики, рядоположной категориям «культура», «ментальность», «ценности», «идеал» и отражающей сущность воспитательного процесса как передачи духа эпохи от поколения к поколению.

Проявляясь в зависимости от социокультурного и этнокультурного контекстов воспитания человека, духовность его личности приобретает соответствующее им содержание, в котором объективируются влияние и соотношение чувственных и рациональных факторов его социализации и этнокультурной идентификации. Последнее предопределяет неотъемлемость духовности от национальной идентичности, ментальности и свойств национального характера представителя каждого народа, которые отражаются в его базовой структуре личности.

Поскольку социокультурное и этнокультурное пространства служат влиятельной средой формирования духовности подрастающего поколения, то усилия педагогов современной школы (на всех ее уровнях) должны быть направлены:

- во-первых, на изучение контекста духовности той социокультурной среды, в которой пребывают их воспитанники;

- а во-вторых, на педагогическую коррекцию влияний этой среды – усиление и закрепление тех, которые благотворно сказываются на духовном развитии личности воспитанников, и ослабление и выработку сопротивляемости к разрушающим духовность влияниям.

А это значит, что сегодняшняя школа должна вступить в конкуренцию в борьбе за духовность своих воспитанников с заполонившей информационное пространство массовой культурой и стать конкурентоспособной в этом процессе.

Справиться с этой сложной, но исключительно важной социальной задачей можно лишь путём создания мощной и влиятельной духовной аксиосферы воспитания современной национальной школы, в которой главное место будет принадлежать ценностям духовной культуры и искусства своего народа. В них заложены эмоционально-содержательные коды, которые актуализируются через влияние созданного педагогом духовного контекста воспитания на эмоции и чувства воспитанников, запуская психологические механизмы развития их духовности как движения от понимания и переживания ими несовершенства своего реального уровня духовного развития (Я-реального) к достижению его желаемого уровня (Я-идеального).

Этот процесс проходит этапы от ощущения и осознания несоответствия – до знания – намерения – личностного выбора – проекта – плана и собственного действия воспитанника по духовному самосовершенствованию.

Результатом этого становится трансформация его актуальных потребностей, мотивов, личностных смыслов, ценностных ориентаций и установок в соответствии с идеалом личности, к которому он стремится, а также формирование его национального духа и характера, осознание себя представителем своего народа.

Таким образом, вводя воспитанника в целенаправленно созданный, социально ценный духовный контекст воспитания, педагог эффективно и ненасильственно решает главную воспитательную задачу – пробудить у него желание к упорной самостоятельной работе по духовному самосовершенствованию и превратить его в ответственного субъекта собственного духовного саморазвития. А ведь только лишь при этом условии и можно добиться реальных результатов в важном и благородном деле воспитания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности / А.Г. Асмолов. – М., 2001. – 304 с.
2. *Буюева Л.П.* Духовность и проблемы нравственной культуры / Л.П. Буюева // Вопросы философии. – 1996. – № 2.
3. *Ващенко Г.* Виховна роля мистецтва / Григорій Ващенко // Твори: В 4-х т. – К.: Школяр – «Фада» ЛТД, 2000. – Т. 4. Праці з педагогіки та психології. – 416 с.
4. *Ващенко Г.* Виховний ідеал: Підручник для виховників, учителів і українських родин / Григорій Ващенко. – Брюссель: Вид-во Центральної Управи Співки Української Молоді, 1976. – 191 с.
5. *Воробьёвский Ю.* Путь к Апокалипсису: Стук в Золотые врата / Юрий Воробьёвский. – М., 1998. – 395 с.
6. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 9 т. / Н.В. Гоголь; сост., подг. текста и коммент. В.А. Воропаева и В.В. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 9.
7. *Горелюк Л.А., Лисицына Т.А.* Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. – Ч. 1. Символика смысла в структурах бытия / Л.А. Горелюк, Т.А. Лисицына. – В.Новгород: НГУ, 1999.
8. *Дистервег А.* Собрание сочинений / А. Дистервег. – М., 1961. – Т. 2.
9. *Енциклопедія освіти* / Акад. пед. наук України; гол. ред. В.Г. Кремень. – К.: Юрінком Інтер, 2008. – 1040 с.
10. *Зинченко В.П.* Культурно-историческая психология: опыт амплификации / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 23-27.
11. *Зязюн І.А.* Естетичний досвід особи. Формування і сфери вияву / І.А. Зязюн. – К.: Вища школа, 1976.
12. *Зязюн І.А.* Педагогіка добра: ідеали і реалії: наук.-метод. посіб. / І.А. Зязюн. – К.: МАУП, 2000. – 312 с.
13. *Зязюн І.А., Сагач Г.М.* Краса педагогічної дії: навч. посіб. / І.А. Зязюн, Г.М. Сагач. – К.: Україно-фінський інститут менеджменту і бізнесу, 1997.

14. *Каган М.* Философская теория ценностей / М. Каган. – СПб., 1997.
15. *Касьянова К.* Беседа с К. Касьяновой по поводу книги «О русском национальном характере» проведена С. Белановским в 1990 г. // <http://www.inme.ru/kas1.htm>.
16. *Колесса Ф.М.* Фольклористичні праці / Ф.М. Колесса. – К.: Наукова думка, 1970. – 24 с.
17. *Кончаловский А.С.* Низкие истины / А.С. Кончаловский. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
18. *Кремень В.Г.* Освіта і наука в Україні – інноваційні аспекти. Стратегія. Реалізація. Результати / В.Г. Кремень. – К.: Грамота, 2005. – 448 с.
19. *Кривцун О.А.* Эстетика / О.А. Кривцун. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 434 с.
20. *Кузьменкова Ю.Б.* От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян / Ю.Б. Кузьменкова. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 316 с.
21. *Лебедева Н.М.* Русский национальный характер // Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков – М., 2001.
22. *Мамонтов А.С.* Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А.С. Мамонтов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.
23. *Методика воспитательной работы* / под ред. В.А. Слостенина. – М., 2002.
24. *Науменко Г.М.* Фольклорная азбука / Г.М. Науменко. – М.: Академия, 1996. – 96 с.
25. *Науменко Л.И.* Национальный характер / Л.И. Науменко // Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 677-678.
26. *Некрасова М.А.* Народное искусство России в современной культуре / М.А. Некрасова. – М.: Искусство, 2003. – 256 с.
27. *Нойманн Э.* Искусство и время / Э. Нойманн // *Нойманн Э.* Психоанализ и искусство. – М., 1996. – 160 с.
28. *Образование: сокрытое сокровище: Доклад международной комиссии по образованию для XXI века, представленный ЮНЕСКО.* – Париж: ЮНЕСКО, 1997.
29. *Овчаренко В.И.* Психоаналитический глоссарий / В.И. Овчаренко. – Мн.: ВШ, 1994.
30. *Педагогический энциклопедический словарь.* – М., 2003.
31. *Педагогічний словник* / за заг. ред. М.Д. Ярмаченка. – К.: Педагогічна думка, 2001.
32. *Помиткін Е.О.* Психологія духовного розвитку особистості: монографія / Е.О. Помиткін. – К.: Наш час, 2005. – 280 с.
33. *Попович М.* Нарис історії культури України / Мирослав Попович. – 2-е вид. – К.: Артк, 2001. – 728 с.
34. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Франсуа Рабле. – М., 1961.
35. *Серов Н.В.* Цвет культуры: психология, культурология, физиология / Н.В. Серов. – СПб.: Речь, 2004. – 672 с.
36. *Січинський В.* Чужинці про Україну / В. Січинський. – Прага: Культурно-наукове вид-во УНО, 1942. – 255 с.
37. *Сластёнин В.А., Николаев В.А.* Этнопедагогическая культура учителя / В.А. Сластёнин, В.А. Николаев // Магистр-S. – № 3. – 2000. – С. 20-34.
38. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
39. *Социальная экология: учеб.* / Н.А. Чернышёв, А.А. Вовк – СПб., 2000.
40. *Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А.* Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж, 2003.
41. *Столович Л.* On the Concept of “Axiosphere” / Леонид Столович // Twentieth World Congress of Philosophy. Abstracts of Invited and Contributed. – Boston, Massachusetts USA, 10-16 August, 1998, p. 192. // <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Valu/ValuStol.htm>

42. *Сухомлинський В.О.* Людина – найвища цінність / В.О. Сухомлинський // Вибр. твори: В 5-ти т. – К.: Рад. школа, 1977. – Т. 5. – С. 446-472.
43. *Сухомлинська О.В.* Духовно-моральне виховання дітей та молоді: загальні тенденції й індивідуальний пошук / О.В. Сухомлинська. – К.: Всеукраїнський фонд «Добро», 2006. – 44 с.
44. *Сухомлинська О.В.* Концептуальні засади формування духовності особистості на основі християнських моральних цінностей / О.В. Сухомлинська // Шлях освіти. – 2002. – № 4. – С. 13-18.
45. *Трубецкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе / Е.Н. Трубецкой. – Новосибирск: Сибирь-XXI век, 1991.
46. *Усатенко Т.* Українознавчі концепти гуманізації та гуманітаризації освіти / Тамара Усатенко // Педагогіка та психологія професійної освіти: наук.-метод. журнал. – 2005. – № 5. – С. 50-57.
47. *Ушинский К.Д.* Статті в «Журнале для воспитания» / К.Д. Ушинский // Собр. соч. – М.- Л., 1948. – Т. 2.
48. *Феськів М.* Елементи національної школи, які треба і можна реалізувати / Михайло Феськів // Мандрівець. – 1994. – № 1. – С. 77-83.
49. *Філіпчук Г.* Громадянське суспільство: освіта, етнокультура, етнополітика: монографія / Георгій Філіпчук. – Чернівці: Зелена Буковина, 2002. – 488 с.
50. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1991.
51. *Черепанова С.* Проблема людини в українському мистецтві: навч. посібник. – Львів: Світ, 2001. – 296 с.
52. *Чижевський Д.* Нариси з історії філософії на Україні / Дмитро Чижевський. – К.: Вид-во «Орія» при УКСП «Кобза», 1992. – 230 с.
53. *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос. Опыты философские и критические / В.Ф. Эрн. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 103 с.
54. *Юнг К.Г.* Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М., 1991.
55. *Янів В.* Нариси до історії української етнопсихології / В. Янів; упоряд. М. Шафовал. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К.: Знання, 2006. – 341 с.

SUMMARY

On the basis of analysis of culturological, sociological and pedagogical literature essence of spirituality is determined as the base pedagogical category, which reflects essence of an educate process. In this connection education is considered as a process of transmission of national spirit from a generation to the generation. As maintenance of this process depends on social-cultural and ethnic-cultural environments, which create the context of an educate activity, an environment becomes pre-condition of forming of context of spirituality of education, which stipulates maintenance of spirituality of the personality, which educate in this environment.

Showing up depending on social-cultural and ethnic-cultural contexts of education of man, spirituality of his personality is acquired by the proper by their maintenance. Influence and correlation of perceptible and rational factors of his socialization and ethnic-cultural authentication shows up in it, that predetermines inalienability of spirituality from a national identity, mentality and properties of national character of representative of every nation, which are reflected in his base structure of personality.

As social-cultural and ethnic-cultural areas serve as the influential environment of forming of spirituality of rising generation, efforts of teachers of contemporary school (on all its levels) must be directed on the study of context of spirituality of that social-cultural environment, which their pupils are in, and on the pedagogical correction of influences of this environment: strengthening and fixing those which beneficially influence on spiritual development of personality of pupils, and weakening and making of resistance to destroying spirituality influences. It means that today's school must enter into a competition in a fight for spirituality of the pupils against captivating informative space a mass culture and to become competitive in this process.

Attaining it is possible only by creation powerful and influential spiritual axiosphere educations of contemporary national school in which a main place will belong to the values of the national spiritual culture and art. They contain of emotional-rich codes, which start acting through influence of the spiritual context organized an educator on emotions and senses of pupils. In this process the psychological mechanisms of spiritual development of pupils as motions are started going from their real level (I-real) to the desired level (I-ideal).

This process passes the stages from feeling and awareness of disparity – to knowledge – intention – personality choice – project – plan and own action of pupil on spiritual self-perfection. The result of this process is become by transformation of his actual necessities, reasons, personality senses, valued orientations and settings in accordance with the ideal of personality, which he aspires to, and also forming of his national spirit and character as representative of the nation.

Thus, entering a pupil in the purposefully created, socially valuable spiritual context of education, teacher effectively and non-violently decides a main educate task. He wakes up for pupil a desire to persistent independent work on spiritual self-perfection and to convert him into the responsible subject of own spiritual self-development.

Keywords: spirituality, social-cultural and ethnic-cultural environments, spiritual values, national character, folk educate ideal, authentication, national folk-lore.

Otych Elena – doctor of pedagogical sciences, professor, Deputy Director for research, Head of the Department of pedagogical aesthetics and ethics of the Institute of Pedagogical Education and Education of Adults of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine.

Отыч Елена - доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая отделом педагогической эстетики и этики Института педагогического образования и образования взрослых Национальной академии педагогических наук Украины.

Научные интересы: педагогическое и художественное образование, педагогическое мастерство, педагогическая эстетика, педагогическая этика, художественные субдисциплины педагогики (художественная педагогика, педагогика искусства и арт-педагогика), эстетические и этические основы личностного, духовного и профессионального развития педагога, формирования его педагогического, эстетического и духовного опыта.

e-mail: otych.olena@mail.ru; otych@voliacable.com